

УДК 821.222.1+924

Сухоруков Алексей Николаевич, старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии (с.п.), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Россия

e-mail: sankafd2004@gmail.com

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КРЫМСКИХ ТАТАР С СУФИЙСКИМИ БРАТСТВАМИ ТУРЦИИ В XIX ВЕКЕ НА ПРИМЕРЕ БРАТСТВА МЕВЛЕВИ*

Аннотация. В данной работе рассматриваются контакты мусульманского населения Крымского полуострова с суфийскими братствами Османской империи в XIX веке, даётся характеристика действовавших орденов в Крыму и Турции в указанный период, обращается внимание на характерный эпизод с прибытием в Крым анатолийских дервишей для избавления региона от последствий нашествия саранчи 1823 года.

Ключевые слова: Крым, суфизм, дервиш, мевлеви, накшбанди, кадири.

Sukhorukov Alexey Nikolaevich, Senior Lecturer at the Department of Oriental Philology, Institute of Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

e-mail: sankafd2004@gmail.com

TO THE HISTORY OF RELATIONSHIPS OF THE CRIMEAN TATARS WITH THE SUFIS OF TURKEY IN THE XIX CENTURY ON THE EXAMPLE OF THE MEVLEVI ORDER

* Статья написана по материалам доклада, прозвучавшего на XIII Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы тюркологии и востоковедения», состоявшейся 23 марта 2021 г. Организатором мероприятия является Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (г. Симферополь, Россия).

Annotation. This article deals with the contacts of the Muslim population of the Crimean peninsula with the Sufi brotherhoods of the Ottoman Empire in the 19th century, gives a description of the orders in operation in Crimea and Turkey during this period, draws attention to a characteristic episode with the arrival of Anatolian dervishes in Crimea to rid the region of the consequences of the locust invasion of 1823.

Keywords: Crimea, Sufism, Dervish, Mevlevi, Naqshbandi, Qadiri.

Представители суфийских братств появились на территории Крымского полуострова ещё во второй половине XIII века. В большинстве своём напрямую или опосредованно они были связаны со среднеазиатским братством ясавие. Даже прибывшие в конце 1260-х годов из сельджукской Коньи дервиши, окружавшие опального султана Изеддина Кейкавуса II, также имели своим предводителем легендарного проповедника Сары Салтук баба, ученика Ахмета Ясави. Вероятно, именно тогда в Крыму стало известно имя Джелаладдина Руми (Мевляна). Так как и сам Кейкавус II был почитателем и мюридом Дж. Руми [17, с. 36], и Сары Салтук, в течение нескольких лет проживший в Конье, несомненно, был знаком с прославленным поэтом-мистиком и его многочисленными последователями, вскоре оформившимися в братство «мевлевия».

Турецкий путешественник Эвлия Челеби, возводивший, кстати, свою родословную к Ахмету Ясави и Хаджи Бекташу и трижды посетивший Крым в середине XVII века, на страницах своего «Сейяхатнаме» говорит, в совокупности, о 29 суфийских текие на Крымском полуострове. Среди действующих братств можно упомянуть такие, как «хальветия», «джальветия», «кадирия», «гульшения», «накшбандия», «мевлевия» и «ясавия».

Сейид Мухаммад Реза Кырыми в историческом сочинении «Семь планет в известиях о татарских царях» упоминает «четыре очага» (дёрт оджак) [14, с. 31], представлявших собой четыре селения суфиев: *Колеч* (севернее Кафы / Феодосии), *Чуюнчи* (под Чатыр-дагом, около Ак-Месджита /

Симферополя), *Качи* (в юго-западном Крыму, совр. с. Айвовое в долине реки Кача) и *Ташлы* (потом – с. Ташлы-Шейх-Эли / Беседино в степном Крыму, Красногвардейский район). С течением времени общины суфиев в этих «очагах» стали именоваться по названиям селений, — «колечли», «чуюнчили» и т.д., что может рассматриваться как свидетельство постепенной утраты связи с «материнскими» братствами. Так, колечли, вероятнее всего, сформировался на основе ордена накшбандия, а в Качи следовали традиции хальветия (возникшей в Иране, послужившей основой и для другой крымской традиции – джалъветия). На формирование практики всех крымских братств, разве что кроме мевлевия, сильное влияние оказал также орден ясавия, прекративший существование в чистом виде на полуострове к концу XVII века и растворившийся среди местных практик.

После присоединения Крыма к Российской империи в 1783 году было составлено полное статистическое описание полуострова. В соответствии с данными «Камерального описания Крыма» (Ведомость №34 от 17.12.1783 г. и Ведомость № 38 от 28.12.1783 г.) всего в Крыму в тот период действовало 21 текие – 1 в самом городе Бахчисарае и 1 в Бахчисарайском каймаканстве (с. Качи), 13 в Акмечетском каймаканстве (селения Юкары, Ашагы, Даир, Ташлы и Ташлы шейхеле, Зуя, Чуюнчи, Салгир), 1 в г. Карасу-Базар и 1 в карасубазарском каймаканстве (с. Кучук-Карасу), 1 в г. Казлов (Гёзлев / Евпатория) и 3 Казловском каймаканстве (2 в Мангытском кадылыке и 1 в Шейхелском) [7, с. 37-40].

Немногочисленные, но красочные описания путешественников, посетивших Крым в конце XIX века и присутствовавших на суфийских мистериях (Ж. Ромм в 1786, Э. Кравен в 1786 г., П. Сумароков в 1799 г и 1802-1803 гг.) [5, с. 72-80] дают возможность составить общее представление о положении рядовых суфиев. Примечательно, что из сохранившихся четырёх описаний лишь одно не связано с практикой братства мевлевия (описанное П. Сумароковым по материалам поездки 1799 г.) [12, с.134-136]. В остальных трёх описаниях два изображают классическое для Крыма радение (сема')

дервишей мевлевия с их песнопениями и характерными вращениями, лишь в описании Сумарова от 1803 года этим вращениям предшествует практика, близкая к громкому зикру кадирийя.

Таким образом, есть основания утверждать, что к началу XIX орден мевлевия был преобладающим в Крыму или, по меньшей мере, очень распространённым. Вероятно, этому способствовал особый статус ордена в Крымском ханстве, когда отдельные правители были членами и покровителями. Подробнее деятельность этого ордена в Крыму рассмотрена была нами в отдельной публикации «Суфийский орден мевлеви в Крыму в XIV–XIX веках» [13].

На протяжении долгого времени существовала устойчивая связь исламской общины Крыма с суфиями Турции. Начало было положено ещё с приходом на полуостров большой группы дервишей из Коньи (Анатолии) в середине 1260-х годов; продолжились контакты и далее. Так, Осман Акчокраклы сообщает 4-х надгробиях, обнаруженных им в с. Отузы (15 километров севернее Старого Крыма). Самое старое из них, относящееся ещё к 1328 году, было установлено над могилой «бедного праведного шейха Якуба Конийского» [2, с. 17]. Его звание (шейх) и нисба (Коневи) говорят о том, что родом был он из столицы Сельджукского (Конийского) султаната и стоял во главе общины дервишей. Не менее ярким свидетельством ранних контактов является сохранившееся крупное поэтическое произведение на персидском языке — «Каландар-наме», посвящённое широкому кругу вопросов мистико-дидактического характера. Написано оно было в 1320-1340-х гг. в городе Кырым (قریم), на месте современного города Старый Крым. Примечательно, что автором этого крупного суфийского произведения является выходец из г. Аксарай, расположенного в центральной части Анатолии.

В период пребывания Крыма в составе Крымского ханства и под протекторатом Османской империи контакты с суфийскими обителями Турции продолжались. Сохранились упоминания о посещении полуострова поэтами-суфиями из Османской Турции, прежде всего — Кемалем Умми (членом ордена

хальветия, ум. 1475 г.) и Ибрахимом Джеври (членом ордена мевлевия, ум. 1654 г.). Значительно больше сведений имеется о крымских шейхах, оказавшихся в Османской Турции и получивших там широкое признание. Нариман Абдульвапов по этому поводу пишет: «Даже поверхностное знакомство с биографиями некоторых из них позволяет сделать вывод о том, что крымские шейхи сыграли довольно значительную роль в развитии суфийских идей и практики за пределами Крыма, заняв достойное место в истории соответствующих процессов в рамках всего османского региона» [1, с. 188].

На территории современной Турции суфийские братства стали играть заметную роль со второй половины XIII века. По мере продвижения монгольских войск на запад, в Сельджукский султанат стали стекаться многочисленные странствующие дервиши — абдалы, каландары, джавлаки и др. После усиления центральной власти, особенно с конца XV века, в Османской империи выделяются три суфийских ордена — мевлевия, бекташия и накшбандия.

Эпонимом ордена мевлевия является Джелаладдин Балхи (1207-1273), более известный на Западе как Джелаладдин Руми, а среди своих последователей как «моулана», т.е. «наш учитель». Дж. Руми большую часть жизни провёл в городе Конья — столице Сельджукского (Конийского) султаната. Ритуальная практика мевлевия оформилась в конце XIII века и была популярна среди образованных слоёв общества и аристократов. Внешней отличительной чертой практики мевлевия является характерный танец во время ритуальных радений, в связи с чем этот орден также известен как «братство вертящихся дервишей».

Учение Хаджи Бекташ Вели (ум. 1270/71 или 1291/92), основателя ордена бекташия, отличалось крайней веротерпимостью. Эта синкретичная система взглядов вобрала в себя элементы христианства (крещение, причастие, ежегодная исповедь наставнику, почитание некоторых православных святых, крест в качестве амулета, некоторые христианские молитвы в качестве

заклинаний и др.), зороастризма (ношение шерстяной власяницы и обязательного пояса) и тенгризма [11, с. 92]. Всё это в сочетании с вольным отношением к исламским нормам (хадж, ежедневный намаз и т.п.) способствовало быстрому распространению учения бекташия на территории с многочисленным христианским населением и консолидации в рамках зарождающегося османского государства. А. Попов, со ссылкой Шараф-хана Бидлиси и его «Шараф-наме», пишет: «Для закрепления союза между правящим домом Османлыогуллары и шейхами Бекташийя, было создано “Новое войско” (“Ени Чери”), а его воины были объявлены “сынами Ходжи Бекташи”» [11, с. 92]. С течением времени бекташи заметно отошли от первоначальных позиций, и в условиях постепенного обнищания страны в начале XIX века потеряли поддержку населения. Немалую роль при этом сыграло другое суфийское братство – накшбандия.

В ордене накшбандийя, в отличие от бекташия, придерживались идеи добровольной бедности и отказа от материального накопительства, требовалось строгое соблюдение шариатских предписаний и неукоснительное следование сунне пророка. Приверженцы накшбандия, косвенно поспособствовав ликвидации янычар в 1826 году, не смогли занять освободившуюся нишу бекташия, т.к. их идеология не соответствовала запросам новой политической турецкой элиты. Противостояние с Западом и явное отставание в технологиях способствовало распространению идей пантюркизма и турецкого национализма. Тем не менее, Османская империя стала для последователей ордена накшбандия связующим звеном для распространения на другие территории, в т. ч. в Крым. Наиболее сильному влиянию накшбандийя подверглись восточные земли Крыма, прежде всего центр в с. Колеч (колечлы) – одном из «четырёх очагов» Крымского ханства. Впоследствии они прочно обосновались в Бахчисарае и пользовались поддержкой ханов; текие дервишей накшбандия действовало в Бахчисарае до начала 1920-х годов.

Из всех рассмотренных выше суфийских орденов наибольшей устойчивостью во времени как на территории Турции, так и в Крыму,

выделяется орден мевлеви. Их обращение к любви как высшей ценности, стоящей над всеми предрассудками, глубокая философия и завораживающие ритуальные вращения наряду с неизменной поддержкой со стороны представителей местной знати, способствовали тому, что политические интриги и иные губительные для всех события обходили общины мевлеви стороной.

К началу XIX века относится событие, характеризующее связи между мусульманами Крыма и общиной мевлеви из Османской Турции. Летом 1823 года на земли некоторых уездов Таврической губернии обрушилось природное несчастье в виде саранчи. Она уничтожала всё на своём пути – и посевы в полях, и травы в степи, так, что не оставалось даже корма для скота. В Крыму более всего пострадали Феодосийский, Симферопольский, Евпаторийский и Перекопский уезды. Органы местного управления оказались не в состоянии справиться с бедствием, и тогда мусульманское население обратилось к традиционному средству, к которому прибегали лишь в крайнем случае, подобном сложившейся ситуации. И. Александров упоминает о предании, зафиксированном в Секретном деле №3 1824 года канцелярии Таврического губернатора [3, с. 187]. В соответствии с этим преданием, эффективным средством борьбы с саранчой является вода из святого источника в турецкой Анатолии. Якобы, достаточно при соответствующих молитвах сбрызнуть поля небольшим количеством этой воды, чтобы весной следующего года в обилии появились скворцы и уничтожили личинки саранчи, не позволив повториться бедствию. Источник этой воды находится близ города Коньи, у стен суфийской обители с шейхом и дервишами.

Именно туда и решено было отправить делегацию крымских татар с просьбой привезти чудесную воду. Делегацию возглавил Ислам-бей Хункалов, брат полковника Ахмет-бея Хункалова, героя Отечественной войны 1812 года. Ранней осенью 1823 года они отправились в Конью, и уже в начале ноября вернулись в сопровождении шейха Али Эфенди и 10 дервишей. С собой они привезли и специальную воду в 13 медных фляжках. Прибыв в порт Феодосии,

оформили все необходимые документы, предоставившие им право проезда по Таврической губернии на протяжении года.

15 ноября 1823 года группа дервишей во главе с шейхом Али Эфенди и некоторыми уважаемыми мусульманами отправилась из Феодосии в Карасу-базар, где во всех крупных мечетях ими были проведены моления об избавлении от саранчи и оставлена часть воды.

Из Карасу-базара они отправились сначала в Симферополь, а затем в Бахчисарай, куда прибыли в начале декабря того же года. На каждом новом месте их торжественно и многолюдно встречала местная мусульманская община, гостей угощали и предоставляли всё необходимое. Почтенный вид прибывших суфиев внушал уважение, а их торжественные церемонии с молитвами о милости и избавлении нередко сопровождались, по словам свидетеля - смотрителя Бахчисарайского дворца Ананича, «мольбами всех татар с пролитием от умиления слёз» [3, с.189]. Из Бахчисарая шейх Али Эфенди и его дервиши направились в Евпаторию, потом в Перекоп и далее на север, в земли ногайских татар, также входившие в пределы Таврической губернии, а оттуда опять вернулись в Бахчисарай.

Первого февраля 1824 года шейх и дервиши были полностью снабжены новыми одеяниями, заказанными специально для них и оплаченными из городской казны Бахчисарая. Содержались анатолийские дервиши, преимущественно, при полковнике Ахмет-бее Хункалове. Выполнив свою основную миссию, они больше не ездили по городам, лишь изредка отлучаясь в ближайшие к Бахчисараю деревни по просьбам местных жителей. Большую часть времени они находились в самом Бахчисарае, вели жизнь добропорядочных мусульман, в сопровождении пожилых татар, которые оказывали дервишам благоволение и всякую почтительность, ходили несколько раз на день в главную ханскую мечеть [3, с. 189].

Об оказываемом дервишам уважении писал в рапорте от 06.02.1824 смотритель Бахчисарайского дворца Ананич. Так, он сообщает, что «Влияние, которое они [дервиши] сделали на здешних татар особенным уважением

привезённой из Турции от господствующих там единоверцев их воды, внесением её в мечеть с их священнодействием и самая сановитая наружность сих шейхов, сделало сильнейшую к ним от народа приверженность» [3, с.190]. В рапорте от 24.02.1824 Ананич также пишет: «По их учению нравственность народа довольно переменялась в том, что в мечетях всегда бывает народу полно, многие татары перестали пить не только водку и вино, но даже и бузу, в особенности же начали запускать бороды и усы; обряд последнего делается так, что люди, сего желающие, собираются в главную мечеть, шейх прочитает там над ними молитву, а они целуют его руки и с того времени не могут они уже сбрить ни бороды, ни усов и должны быть строгими исполнителями своей религии» [3, с. 190].

Как уже было отмечено, дервиши пользовались поддержкой местных властей – получили полное обмундирование за счёт городской казны Бахчисарая, содержались при покровительстве полковника Ахмет-бея Хункалова, городская полиция обходила их своим вниманием и не делала никаких сообщений об их деятельности вышестоящим органам. Тем не менее, о деятельности турецких дервишей и их влиянии стало известно прибывшему в конце января 1824 года в Симферополь генерал-губернатору графу Воронцову. Выяснив, что «шейхи делают публичные по разным местам процессии, и что наша полиция оказывает им в том содействие и уважение» [3, с.189], Воронцов письмом гражданскому губернатору Дмитрию Нарышкину от 25 января 1824 года просил приказать полиции не принимать участие в этих процессиях, тем более не оказывать содействие, хотя и не препятствовать их проведению.

Генерал-губернатор Нарышкин потребовал от симферопольских, евпаторийских, карасубазарских и бахчисарайских властей, а также от смотрителя Бахчисарайского дворца отчёты о пребывании анатолийских дервишей. В ответных письмах Нарышкину было отмечено, среди прочего, что участие полиции в процессиях обусловлено необходимостью наблюдения за порядком и безопасностью мероприятий, так как в их проведении принимало участие большое количество людей не только мусульманского, но и иных

вероисповеданий. При этом указывалось, что со стороны анатолийских дервишей не было замечено никаких действий, которые можно было бы квалифицировать, как опасные для системы государственного управления. Лишь смотритель Бахчисарайского дворца в своих рапортах осторожно указывал на неуместность долгого пребывания в Бахчисарае анатолийских дервишей и рекомендовал принять меры к скорейшему отправлению их в Турцию. Его смущало сильное влияние прибывших дервишей на местную мусульманскую общину, особенно в условиях напряжённых отношений с Османской империей. В какой-то мере Ананич, опасавшийся роста протурецких настроений, оказался прав, так как уже через несколько лет разразилась русско-турецкая война (1828—1829), в ходе которой, кстати, упомянутый полковник Ахмет-бей Хункалов был назначен командиром лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона, участвовал во многих ключевых сражениях, а после войны получил звание генерал-майора.

Что касается пребывания дервишей из Турции в Бахчисарае, то после получения докладов от местных отделений полиции, с них было снято подозрение во вредном влиянии. До середины марта 1824 года не предпринималось никаких иных мер, пока не поступило донесение о готовящемся заговоре, во главе которого, якобы, стояли прибывшие из Турции дервиши. Генерал-губернатор Нарышкин велел чиновнику особых поручений Мейеру отправиться в Бахчисарай, собрать дополнительные сведения, и между прочим предложить шейху и дервишам выехать в Одессу, откуда удобнее отправиться за границу. Это предложение было сделано через полковника Ахмет-бея Хункалова. Он передал дервишам, что граф Воронцов желает встретиться с ними до своего отъезда из Крыма, и что в Одессе суда для них уже готовы. По словам полковника Хункалова, дервиши приняли это предложение с благодарностью [3, с. 191].

Утром 22 марта 1824 года дервиши отправились в Симферополь. По дороге, правда, произошла заминка, так как выяснилось, что один из дервишей остался в Бахчисарае, ожидая скорого возвращения остальных. Специальный

чиновник Мейер принял меры, чтобы задержавшийся в Бахчисарае дервиш также отправился со всей группой сначала в Симферополь, а затем и далее в Одессу.

Проведённое впоследствии Мейером расследование не выявило никаких следов заговора. Оказалось, что поводом для слухов послужили неверно истолкованные одним греком слова другого грека о споре того с неким татаринном относительно невыплаченного долга. Кстати, летом 1824 года Крым избежал повторение нашествия саранчи, хотя сообщения о подобном бедствии поступали из Донской области, располагавшейся севернее полуострова.

В апреле 1828 году началась русско-турецкая война, растянувшаяся широким фронтом от Закавказья до Балкан. Боевые действия с Турцией заставили российское правительство внимательнее относиться к контактам между гражданами двух стран. Уже после войны было принято несколько постановлений, ограничивающих перемещение мусульман из других стран по территории России. Так, положениями Азиатского Комитета от 15.03.1832 и 05.12.1834 было «воспрещено всех заграничных азиатов из стран средней Азии (в том числе и дервишей), идущих на поклонение в Мекку, пропускать чрез внутренние наши губернии. Цель сих постановлений состоит в том, чтобы пресечь их связи с нашими подданными, которые из опыта оказались вредными, т.к. азиаты эти, особенно дервиши, вместо того, чтобы идти в Мекку на поклонение, останавливались у нас в местах, населённых Магометанами, возбуждали в сих последних фанатизм и поселяли всякие возмутительные правила. По сему Граф Нессельроде, руководствуясь смыслом вышеизложенных документов, полагает, что и в просьбе дервишей о принятии их в подданство России следует отказывать, так как подобные с их стороны домогательства — не что иное, как предлог, чтобы иметь возможность оставаться беспрепятственно в наших пределах [9, с. 133-134]. Далее в этом документе говорится, что вице-канцлер Нессельроде «находит полезным отклонять такие их просьбы и не принимать дервишей в наше подданство по следующим причинам. Во-первых, это люди праздные, вся жизнь которых

состоит в бродяжничестве и обманах, вредных и тягостных для общества. Во-вторых, эти люди по званию своему и набожности, которую на себя накидывают, могут иметь большое влияние на умы наших Магометан, которое они всегда используют во зло, проповедуя между ними ненависть к христианам и самому правительству. Таким образом они хотят приобрести доверие своих единоверцев и возможность жить за их счёт» [9, с. 133-134].

Приведённые выше выдержки из принятых законов наглядно демонстрируют отношение к иностранным дервишам как потенциальным агентам внешнего влияния, опасного в сложившейся нестабильной обстановке. Ограничивая влияние дервишей из других стран, к отечественным дервишам российское правительство относилось нейтрально. Более того, согласно «Положению 1831 года», крымские шейхи – руководители суфийских текие, а также ферраши – служители при текие, были причислены к мусульманскому духовенству и получили соответствующие привилегии, в т.ч. в виде освобождения от повинностей и налогов [10]. В Положении «О магометанском духовенстве в Таврической губернии» от 24 мая 1848 г. были подтверждены предоставленные ранее привилегии и декларировалось освобождение от всех податей и повинностей [10].

Количество текие дервишей менялось с течением времени. Если в Камеральном описании Крыма 1784 года перечислено 21 текие [7], то в Ведомости за 1825 г., предоставленной Таврическим муфтием Аджи Абдураим эфенди в Департамент иностранных исповеданий в мае 1826 г., заявлено о существовании 13 текие, 14 шейхов при текие и 66 дервишей [4, с. 171-172]. В 1891 году статский советник В.В. Вашкевич сообщает уже о 21 текие в Крыму [4, с. 172]. Хотя некоторые исследователи говорят о существовании в том же 1891 году по меньшей мере 23 суфийских текие, однако увеличение их численности обуславливают опустением зданий мечетей и медресе [5, с. 72-80].

Соотношение приведённых данных за 1825 и 1891 года не всегда в полной мере соответствует иным историческим свидетельствам. Так, Р.С.Эмиров приводит факты о существовании в Евпатории текие, упомянутого

в списке вакуфных имуществ за 1886 год. В этом документе под № 3 отмечено, что «вблизи Ханской мечети, противу греческой церкви было пустопорожнее место, на котором находилось текие, место это как не приносящее много лет дохода с разрешения Таврического Магометанского Духовного правления обменено Почетному Потомственному гражданину Дувану под магазин» [16, с. 72]. То есть в 1886 году одно из нескольких текие дервишей в Евпатории пришло в запустение, хотя это же текие действовало в первой четверти XIX в., о чём сохранились свидетельства М. Бжишкяна [15, с. 72]. Точно так же в 1870-х годах в запустение пришло текие ордена хальветия («молчальников») в Симферополе [6, с. 356]. Здание этого текие было построено в 1833-38 годах и являло собой двухэтажную постройку со специфической архитектурой [16, с. 73]. Однако после Крымской войны 1853—1856 годов количество дервишей в нём стало постепенно сокращаться, пока оставшиеся не перешли в Бахчисарай к близким им по духовной практике дервишам накшбандия, а само здание текие было переоборудовано под мектеб.

В конце XIX века в Крыму одновременно действовало несколько суфийских братств, однако их обособленность и изолированность от остального исламского мира приводили к постепенному стиранию специфических черт и сближению их друг с другом. К этому времени дервиши Крыма окончательно утратили связь с их единоверцами из Турции, но поддерживали контакты с орденами Северного Кавказа – накшбандия, лидером которого некоторое время был имам Шамиль, и кадирия в его вариации с громким круговым зикром и характерными возгласами.

Относительно численности дервишей в Крыму в конце XIX века можно судить лишь по косвенным данным. Наибольший интерес в этом отношении представляет информация из «Иллюстрированного практического путеводителя по Крыму» Г.Москвича. Описывая «вертящихся дервишей» Бахчисарая, составитель указывает место и время их собрания для проведения публичного зикра, а также пишет: «Всех дервишей насчитывают до 200: делятся они на 4 ордена; вертящихся всего человек 40» [8, с. 111].

Путеводитель был опубликован в 1908 году, однако, учитывая, что это было уже 17-е издание, данные его могли вполне соответствовать рубежу XIX и XX веков.

Таким образом, изучив имеющиеся материалы по истории развития суфизма в Крыму в XIX веке, мы можем говорить о постепенном снижении контактов крымских дервишей с их единоверцами из других стран. Если до конца XVIII века деятельность суфийских обителей Крыма была органически связана с родственными им центрами в Османской Турции, то после ряда русско-турецких военных конфликтов эти контакты постепенно прекратились. Законами от 1832, 1834 и 1836 годов пребывание иностранных дервишей в Крыму было строго ограничено, в результате чего началось сближение и смешение суфийских ритуальных практик на полуострове при последовательном уменьшении численности дервишей.

Список использованной литературы

1. Абдульвапов Н. Актуальные проблемы изучения суфизма в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета им.В.И.Вернадского. 2005. Т. 18. № 3. С. 179-192
2. Акчокраклы О. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII — XV вв. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. — Симферополь, 1927. — Т. 1 (58). — С. 5—17.
3. Александров И.Ф. О пребывании в Крыму анатолийских дервишей с чудесной водой против саранчи // Известия Таврической учёной архивной комиссии. № 55, 1918. — С. 186-191
4. Бойцова Е. В., Ганкевич В. Ю., Муратова Э. С., Хайрединова З. З. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. — Симферополь: Элиньо, 2009. - 432 с.
5. Брилев Д.В. Суфизм в Крыму под властью Российской империи // Религиоведческие исследования. 2016. №2 (14). С. 61-86.
6. Волошинова И.М. Текие Ени-Джами дервишей-молчальников в Симферополе // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1918. №54.

C.356—359

7. Камеральное описание Крыма 1784 года (продолжение) // Известия Таврической учётной архивной комиссии, № 7, 1889. С. 37–45.

8. Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Издание 17-е. Одесса: Типография Э. Шмида (бывш. Шульце), 1908. – 352 с.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1836. СПб, 1837, Т.11, Отделение 1. №8881

10. Полное собрание законов Российской империи (11). N2 5033, § 21; ПСЗ (11). N2 22297.

11. Попов А. Идеологическая гегемония суфизма в Османской империи XV–XX вв.: от консолидации общества до «оккультных войн» // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії : збірник наукових праць. – 2012. – Вип. 15. – С. 89–96.

12. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. - М.: Университетская типография у Ридигера и Клаудия, 1800. – 238 с.

13. Сухоруков А.Н. Суфийский орден мевлеви в Крыму в XIV–XIX веках [Электронный ресурс] // Научный вестник Крыма. 2019. №2 (20). С. 1-25

14. Тарикат Ясавийа и Крым. Сулейман Бакыргани: дастаны и хикматы/ Вступительный очерк, перевод и комментарии Л. В. Бахревского. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2015 — 208 с.

15. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). — Изд. 2-е, исправленное и дополненное. — Симферополь: ДОЛЯ, 2008. — 272 с., ил.

16. Эмиров Р.С. Текие дервишей в Крыму как отражение истории суфизма // Культура народов Причерноморья. — 2013. — № 261. — С. 71-73.

17. Öztuna Y. Devletler ve Hanedanlar. Türkiye (1074–1990). Cilt: II. – Ankara, 1996. – 1224 s